

МОСКВА

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ

ИСТОРИЯ СТОЛИЦЫ
ОТ ЕЁ ОСНОВАНИЯ ДО КРУШЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Михаил Иванович Вострышев
Москва Первопрестольная.
История столицы от ее
основания до крушения
Российской империи
Серия «Москвоведение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21301601

*Москва Первопрестольная. История столицы от ее основания
до крушения Российской империи / Михаил Вострышев. – : , . —:*

Алгоритм ; Москва; 2016

ISBN 978-5-906861-55-9

Аннотация

Москва – город особенный и неповторимый. Это первая, древнейшая столица нашей родины – это сердце России! За свою более чем восьмивековую жизнь Москва видела и нашествие завоевателей, и праздничные салюты побед, и казни предводителей народных восстаний, и революционные потрясения. В Москве история как бы окружает нас, каждый шаг вызывает в памяти ее отдельные страницы. Книга рассказывает о наиболее важных событиях в истории

Москвы, о роли столицы и ее жителей в становлении Российского государства. Воедино соединены труды нескольких десятков выдающихся историков и писателей XIX–XX веков. Проиллюстрировано это эксклюзивное подарочное издание уникальными гравюрами, произведениями живописи и фотоматериалами из фондов Отдела изобразительного искусства Российской государственной библиотеки, Государственного исторического музея и Государственной Третьяковской галереи, большинство из которых до сих пор неизвестно современникам.

Содержание

Державный град	5
Собиратели Русской Земли	14
Юная Москва	14
Иван Калита	22
Божьей силой	30
Под великокняжеским стягом	42
Владимирская икона Божьей Матери	53
Москва белокаменная	61
Проклятые грамоты	72
Княжья милость	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Михаил Вострышев

Москва Первопрестольная.

История столицы от ее основания до крушения Российской империи

Державный град

*Мы – москвичи. Что делать, милый друг!
Кинь нас судьба на север иль на юг, —
У нас везде, со всей своею славой,
В душе – Москва и Кремль золотоглавый;
В нас заповедь великая жива,
И вера в нас досель не извелася,
На коих древе создалась Москва
И чрез нее – Россия создалася.*

Аполлон Майков

Исполинским амфитеатром нависают над центром столицы Воробьевы горы. Прямо под ними, на пойменном левом берегу Москвы-реки, раскинулся самый крупный в России стадион «Лужники». А еще каких-нибудь сто лет назад там,

в Лужнецкой слободе, были лишь огороды да знаменитый Вавилон-колодец – морское ухо, которое, по местному преданию, со временем затопит весь город. Чуть левее – Новодевичий монастырь, чья история тесно связана с возвышением Московского государства и превращением его в мощную империю. На дальнем плане дугою встали высотные дома середины XX века, а среди облаков парит шпиль Останкинской телебашни.

А вот и Кремль – золотая корона города на Боровицком холме, сверкающая куполами старинных соборов. Здесь под балдахин, в порфире и короне, со скипетром и державой в руках, присягали на верность Отечеству российские цари. Здесь, облаченные в одежды святых предшественников, принимали символы патриаршей власти первоиерархи Русской Церкви. Здесь были собраны величайшие православные святыни... Старец Филофей, живший в начале XVI столетия, сравнивая Москву с Римом и Константинополем, назвал богоспасаемый русский град Третьим Римом: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Другие называли первопрестольную столицу: Дом Пресвятой Богородицы, Второй Иерусалим, Новый Сион, Небесный град, Аلتарь России.

Стрельцы XVII века

Множество московских окрестностей имеет свой неповторимый, милый сердцу отпечаток. На правом, низком берегу Москвы-реки, в ее излучине, напротив древнейшего центра города раскинулось Замоскворечье со своими невысокими причудливыми домиками, выстроенными купцами

и мещанами, со знаменитой Третьяковской галереей, множеством торжественных храмов в тихих переулочках. Здесь особая страна, как выразился уроженец Замоскворечья А.Н. Островский. Коренной москвич поведет вас в Кремль, на Соборную площадь, и будет вспоминать, что на этом месте стоял когда-то его предок с другими стрельцами, а с Красного крыльца с криками «Любо вам, братья?!», раскачав, бросали им первых царских советников. «Любо!» – ревели в ответ стрельцы, подхватывая на пики очередного боярина. Другой москвич укажет из окон своего дома на Сретенке место, где стояла Сухарева башня, построенная Петром Великим в честь стрелецкого полковника, не изменившего в трудную для царя минуту. Третий, двуперстно крестясь, расскажет о благолепии староверческих часовен, где казненные *Петром-крокодил* стрельцы почитаются за святых. Мученическую приняли они смерть и после нее не нашли успокоения, ибо головы их понатыкали на стенах Белого и Земляного города. «Что ни зубец, то стрелец», – сложил печальную поговорку народ и, затаив лютую обиду на власть, жаждал вновь услышать набатный гул колоколов, созывающий московский люд на мятеж...

Москва со своими парками и бульварами, прудами и речками, дворянскими особняками и дворами жилых домов создает самобытную, живописную, ни с чем не сравнимую панораму. Кусково, Останкино, Измайлово, Ховрино, Косино, Арбат, Крутицы. Нет, невозможно перечесть все городские

окрестности, в которых сохраняется дух славного прошлого России. Русскую историю здесь можно изучать, прохаживаясь по переулкам, разглядывая старинные дома и храмы, вникая в смысл названий улиц и площадей.

У Москвы нет правильной и строгой красоты европейского города. Ее красота – это красота усадьбы, монастыря, переулка, базара. Все в ней смешано, перепутано; каждый уголок имеет свое особенное очарование, свои предания и тайны.

Два века назад составитель «Географического словаря Российского государства» Афанасий Щекатов утверждал: «Москва – первопрестольная столица всея России, известная своей древностью и пространством, знаменитая многолюдством и великолепнейшими зданиями, славная достопамятными происшествиями, в разные времена в ней случившимися, и рождением в стенах ее великих государей, незабвенных патриотов и мужей бессмертных, по справедливости почитающаяся в числе главнейших городов Европы».

У Никольских отвечают:

«Славен Киев!» – говорят.

И у Троицких не спят:

«Славен Новгород!» – кричат.

«Славен Псков!» – у Боровицких.

«Славен Суздаль!» – у Тайницких.

И гремят в ночи слова:

«Славен, славен град Москва!»

Славен город наших дедов,
В жизни многое изведав,
Сколько войн и сколько бед,
Сколько радостей побед!
И над всеми временами
Древний Кремль, хранимый нами,
Нас хранит из года в год —
Наша гордость и оплот!
Ну-ка снимем шапки, братцы,
Да поклонимся Кремлю,
Это он помог собраться
Городам в одну семью.
Это он нам всем на славу
Создал Русскую державу.
И стоит она века
Нерушима и крепка.
А преданья старины
Забывать мы не должны.
Слава русской старине!
Слава нашей стороне!

«Кто был в Москве, знает Россию» – эти слова Н.М. Карамзина не легковесное хвастовство старого московского жителя, а зрелое умозаключение знаменитого историографа.

Как-то быстро и невозвратно этот небольшой городок Суздальской земли стал центром обширного государства, собрал вокруг себя и удержал большинство исконных русских земель. Хотя в начале XVIII века белокаменная кру-

жевица и потеряла блеск царского двора, переселившегося в северную столицу, но навсегда осталась средоточием народной жизни и религиозным центром.

Деятнадцатый век принес в Москву особый дух крупного предпринимательства, щедрого меценатства, искренней благотворительности. Проницательный А.С. Пушкин отметил: «Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развивалась с необыкновенной силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством». Каждый год был отмечен появлением новых заводов и фабрик, театров и музеев, богаделен и больниц, домов дешевых квартир и приютов. Москвичи строили добротнo – на века. И главным человеком в городе, несмотря на обилие праздных людей, был человек труда.

Замоскворечье.

Рисунок А.А. Мартынова

Двадцатый век во многом изменил облик и быт Москвы. Одним горожанам перемены нравились, другие жалели безвозвратно ушедший старинный уклад жизни. Ничего не поделаешь – всем не угодишь. Москва слезам не верит, она кому мать, кому мачеха. Москва веками строилась, и душу ее уничтожить ни у кого не хватит сил. Она стала многомиллионным цивилизованным городом, центром российской науки, просвещения, искусства, технического прогресса и даже спорта.

Собиратели Русской Земли

Юная Москва

На месте Святого озера в Косине жили когда-то старец-священник и пустынник Букал. У них была маленькая церковь, в которой они молились. Потом Букал ушел отсюда и поселился на высоком берегу реки Москвы. Здесь ему было откровение во сне, что на месте его нового жилища возникнет большой город, вынесет много испытаний от врагов, но потом будет знаменитее всех городов русских.

Отправился Букал рассказать о своем видении старцу-священнику. Когда рассказ был окончен, оба стали молиться за судьбу будущего города, и во время совершения священником литургии их церковь стала медленно погружаться в воду, а на ее месте образовалось озеро.

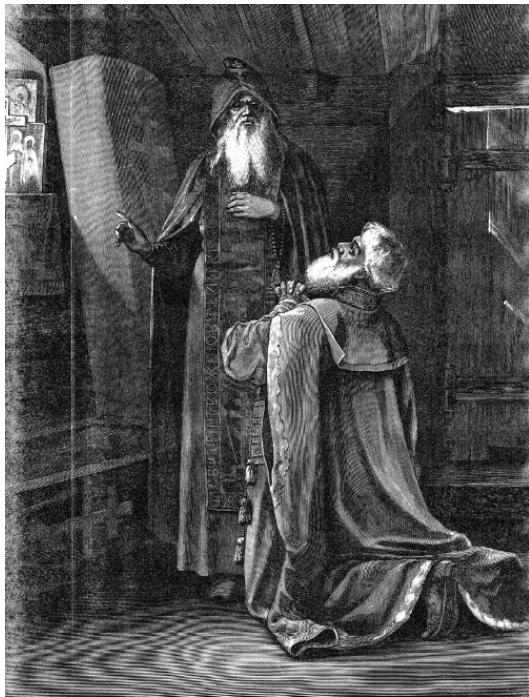
Достойным верующим, добавляет предание, и теперь слышны молитвы, которые возносят за Москву пустынник Букал и старец-священник.

Это было много лет тому назад. Святая Русь держалась сильными князьями, сидевшими на своих удельных престолах. Одно за другим разрастались и крепили княжества, а потом слабели и беднели.

В Суздальском княжестве, на перевале от Москвы-реки

к Клязьме и Язуе, посредине Кучкова поля стояла большая усадьба князей Долгоруких. Здесь в 1147 году князь Юрий Долгорукий давал пир своему союзнику князю Северскому Святославу Ольговичу. Да такой пир, что о нем пронесся слух по всей Руси. Много народа съехалось тогда на московские и клязьминские берега. Но потом княжеская усадьба опять опустела. Однако ненадолго.

Весной 1156 года пришла гроза на московские леса – рать княжеских дружинников напала на них с острыми топорами. Крепкие березы, клены, сосны, дубы падали сотнями. Скрипели колеса и оглобли тяжелых телег, ржали кони. Голоса работников сливались в дружный гул. Что же творилось в Москве-усадьбе?

В келье схимника.

Художник К.В. Лебедев

На московских холмах рубили крепкий городок, чтобы было где обороняться от вражеских набегов. Как по щучьему велению, вырастали бревенчатые срубы, на зеленых лугах чернели валы да рвы. Под удалую песню бодро и дружно работали суздальцы. Жаркий весенний день парил солныш-

ком. Быстрые речные струи журчали и пенились под крутыми берегами.

– Ишь ты, как в лесу валежник трещит! – говорил рыжий дюжий суздалец, отирая пот с покрасневшего лица. – Уж не медведь ли к нам на потеху идет?

– Какой тебе медведь! – отозвался другой работник. – Мы тут такой шум подняли, весь зверь разбежался.

Но вот сучья затрещали сильнее, и на прогалину из леса вышли двое. Оба седые, но крепкие телом. Одежда из лохмотьев на них едва держалась.

– Отколь вы? – малость струхнув, спросил рыжий.

– Из леса, – степенно отвечали пришельцы в один голос. – Вы нас не пугайтесь. Мы издавна в приклязьминских лесах живем. Смолу гоним, грибы сушим да молимся за свои грешные души.

– Чего ж вам надо?

– А вот присядьте-ка, братцы. Мы вам чудное дело поведаем.

Все расселись на свежих пнях.

– Ушли мы смолоду с братом от мирской суеты в уединение. Мы словно иноки-пустынники, только без пострига. И ладно жилось нам в лесу, не чаяли и выходить к людям. В одиночестве-то и грешить меньше, и на душе покой да мир. Но как-то ночью приснился нам с братом вещий сон. Явился нам светозарный старец и сказал: «Идите, рабы Божьи, к людям суздальским и помогайте им ставить новый вели-

кий град. От того града на святой Руси вечная слава будет – на нем почиет благословение Господне». Вот мы и пришли, братцы, к вам на подмогу.

– Что ж, милости просим, – молвил десятник. – Потрудитесь вместе с нами.

– Дадим-ка им, ребята, рубахи и порты, – сказал один из суздальцев. – Не от себя ведь пришли, от Бога.

Живо одели княжеские ратники пришельцев, дали им хлеба, обласкали, приветили. Чист был в те времена душой и верой русский люд. Никто в словах не усомнился. И принялись лесные пустынники за работу. Тут уж все суздальцы на них воззрились: с чисто медвежьей силой рубили они столетние стволы, бревна, которые троим лишь под силу, в одиночку таскали к срубам. Глядя на них, быстрее заработали и суздальцы. Дивились десятники да сотники: почитай, в одно утро был срублен и слажен целый угол кремлевского острога.

Основание Москвы. Постройка стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 году.

Художник А.В. Васнецов

От усадебных хором показались конники. Ехали они шибко, поспевая за седым боярином. Золотая пряжка на боярской шапке далеко светилась, конская сбруя отливала серебром. Подъехал боярин Дружина Святославич к работникам, снял шапку и молвил:

– Бог в помощь!

– Милости просим! Добро пожаловать! – сотнями голосов загудела толпа.

– Ай да работники! Лихо у вас дело спорится, – дивился боярин, оглядывая сруб. – Спасибо!

Поглядели на боярина дружинники, помолчали, почесали в затылках. Наконец один набрался смелости:

– Не нам спасибо, честной боярин, а вот новым работникам, что из лесу пришли.

– Как из лесу? – удивился боярин, глядя на пустыльников, которых подвели к его коню.

Десятник, переминаясь с ноги на ногу, рассказал о чудном появлении неведомых людей и вещем их сне. Долго боярин Дружина Святославович глядел на пришельцев. От глубокой думы чело его пошло морщинами.

– Верно ли? – спросил их.

– Истинно так, боярин, – промолвил старший. – Только не все поведал я твоим работникам, не все вещи слова святого старца пересказал. Великое от него сияние исходило. Пославши нас на работу, он еще молвил такие слова: «От града новосозидаемого пойдет слава по белу свету, как от Царьграда. Будет он больше и краше всех городов русских. Сядут в нем на престол могучие московские цари, святители православной церкви утвердят в нем христианское благочестие. И будет в великом граде Москве множество Божьих храмов, и державы иноземные понесут ему честь и поклонны. От моря до моря раскинется Московское царство, великое, неразделимое, неборимое. Будет оно крепко силой воинской, единым духом народа русского. Слава, слава, слава

граду Москве – великому, вечному!» Вот что вещал нам святой старец, представший в сновидении.

И осенил себя говоривший широким крестом. Перекрестился и боярин.

– Чудны дела Твои, Господи! – молвил он, вздыхая. – Ну, стройте, братцы, великий град Москву с помощью Господней!

Иван Калита

«Вообще Москва заставила меня переселиться в другой мир – мир древности... Знаете что, я был космополит, а теперь какое-то перерождение, мне становится близким все русское».

Модест Мусоргский

Издали видны на высокой круче крепкие стены со стрельницами, заборолами (защищенными бревенчатым бруствером площадки, идущим по верху крепостной стены), с тяжелыми, окованными железом воротами. За ними тесно сгущились строения княжеского города. Почти посередине поднимается на высоких подклетьях терем самого князя. Он срублен из толстых дубовых бревен, изукрашен резьбой и пестрой росписью. Высокое крыльцо с широкими лестницами и узорчатыми колонками ведет к терему со двора. Вокруг в беспорядке разместились княжеские амбары, закрома, погребца, конюшни, хлева, поварня, избы слуг, дворовых людей и холопов. Среди них стоят и хоромы кое-кого из бояр, к ним жмутся их службы.

Над темными крышами жилых и хозяйственных построек блестят золотые кресты московских церквей. Много их воздвигнуто в городе усердием князя Ивана и его благочестивых предков. В западной части, почти у Боровицких ворот, стоит самая древняя московская святыня – церковь Рожде-

ства Иоанна Предтечи. Она поставлена еще при князе Юрии Долгоруком и срублена, говорят, из сосен того самого бора, который покрывал тогда весь Боровицкий холм и от которого теперь лишь кое-где среди строек да за стеною уцелели отдельные деревья.

Освящение Успенского собора в Московском Кремле в 1327 году.

Возле самого княжьего терема стоит другая старая церковь – Спаса на Бору. При церкви – монастырь. Старый град князя Юрия Долгорукого был гораздо меньше теперешнего, и монастырь тогда находился за воротами, в бору. Теперь он оказался почти посередине Кремля. Любит князь Иван эту монашескую обитель, часто заходит послушать наставления старцев и жертвует богатые вклады в монастырскую казну.

Но гораздо дороже древних святынь для него только что освященный собор во имя Успения Божьей Матери – единственное каменное здание во всем городе. Его белые стены красиво выделяются среди темной массы других строений. С небольшим год тому назад заложил собор князь Иван вместе с покойным митрополитом Петром. Не дожил владыка до окончания постройки, и по завещанию его похоронили под новой церковью, а над его гробом князь Иван повесил лампаду, которая горит день и ночь. Там же, под храмом, похоронил московский князь и своего старшего брата Юрия, погибшего в Орде от руки тверского князя Дмитрия.

На Подоле, у Москвы-реки, под охраной кремлевских стен раскинулся торг. У пристани останавливаются ладьи с товарами, пробирающиеся к Смоленску, Новгороду, в стольный Владимир-на-Клязьме, Рязань-на-Оке, и дальше Волгою – в Сарай, к самому великому хану. Мытники со всех проезжающих купцов берут два алтына с ладьи и один алтын

со струга.

Через реку устроен мост, от него через широкий пойменный луг, на котором пасутся княжеские табуны, бежит серой лентой большая Ордынская дорога на Рязань и дальше – в Орду. Навстречу Ордынской из-под восточной стены города подходит большая Смоленская дорога, которая ведет в Смоленск и к Волоку-на-Ламе (Волоколамску), где купцы перевозакивают свои лодки из Ламы в Шошу, чтобы плыть к Волге. С каждого купеческого воза, проезжающего этими дорогами, и с каждого человека тоже берут мыт. Если же кто из купцов хочет поторговать на московском торгу, тот платит особую пошлину.

На торгу видны лавки и амбары московских купцов, в базарные дни сюда съезжаются окрестные крестьяне с деревенскими товарами, приносят свои изделия ремесленники из пригородных слобод и посада, и начинается бойкая торговля. Конечно, далеко еще здешнему торгу до новгородского, но и отсюда немало денег благодаря мытам попадает в казну князя Ивана.

Уже несколько дней на Москве необычные хлопоты и суета. Пришла весть, что тверичане, не стерпев обид ханского посла Чолхана, убили и его самого, и почти всех его воинов. Тверской князь Александр не сумел остановить своих буйных подданных и защитить ханских посланников. Князь Иван, посоветовавшись с боярами, решил ехать в Орду, чтобы, воспользовавшись гневом хана, вернуть Москве великое

Иван Данилович Калита раздает милостыню

Третий день холопы и князьи люди грузят все необходимое в лодки на Клязьме у места, где выходит к ней волок из Яузы (село Болшево). Князь приедет сюда с боярами и слугами на конях и сядет в ладью.

Перед отъездом князь Иван подолгу толкует у себя в сенях с остающимися боярами, как беречь им княгиню с детьми и управлять княжеством в его отсутствие. Путь в Орду опасен, как встретит хан, неизвестно, и диктует князь дьяку «грамо-

ту душевную»: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се аз грешный худый раб Божий Иван пишу душевную грамоту, идя в Орду, никем не нужен¹, целым своим умом, в своем здравии».

Кроме Москвы у князя Ивана пять городов. Много еще сел, слобод и волостей. Живут в них бортники, бобровники, рыболовы, пашенные смерды, с которых князьи тиуны собирают оброк. Покидая Москву, князь Иван оставляет старшему сыну Семену Можайск и Коломну, Ивану – Звенигород и Рузу, Андрею – Серпухов. Зовет Иван боярина-казначея, велит ему отпереть сундуки, вынимает накопленные им и его предками богатства и делит между сыновьями. Каждому достаются и чаши золотые, и цепи драгоценные, и золотканые пояса, и драгоценное платье. Обо всем позаботился князь, каждой вещи нашел хозяина, недаром же за скопидомство прозвали его Калитой, что значит «мешок с деньгами».

Назавтра, отстояв до зари обедню в Успенском соборе, отслужив молебен Божьей Матери и панихиду у гробниц святителя Петра и брата Юрия, попрощавшись с княгиней, детьми и домочадцами, трогается князь в путь. До Клязьмы с ним едут множество бояр и слуг, дальше будут сопровождать двое бояр и небольшой отряд. Княгиня с детьми восходит на кремлевскую стену и долго смотрит вслед отъезжающим, пока те, переехав моховым болотом за рекою Неглинною, не

¹ Не принуждаем.

скрываются из глаз за холмом у Кучкова поля.

В Орду князь Иван, как всегда, явился не с пустыми руками, он поднес богатые дары хану, ханшам и всем мурзам. Хан был с ним ласков, но ярлык на великое княжение пока не дал, а велел наказать буйных тверичей и их князя Александра.

Ранней зимою по первому снегу двинулся Иван обратно. С ним шел татарский отряд в пятьдесят тысяч всадников под командой пяти темников. Пройдя покорную хану Рязань, войско вступило в Суздальское княжество. Тут к татарам присоединились воины Ивана и суздальского князя. Как грозная лавина прошли они по тверской земле. Князь Александр не осмелился выйти им навстречу и бежал в Новгород. Однако новгородцы его не приняли, боясь, что Москва закроет путь их купцам и оставит без хлеба. Пришлось укрываться Александру в Пскове.

Татары разграбили тверские и новгородские земли, разорили Тверь, Кашин и Торжок, грабили и боярские палаты, и бедные хижины, многих увели в полон. Только в Москве и во всей вотчине князя Ивана не пострадал ни один холоп. В середине зимы он вновь побывал в Орде и получил от хана Узбека ярлык на великое княжение.

В Московской земле наступили времена тишины и спокойствия, из опустошенных татарами русских земель шли сюда крестьяне и посадские люди. Князь Иван и бояре принимали их с радостью, отводили земли в своих волостях и

селах, давали льготы и подмогу. Даже бояре из других городов бросали своих князей и шли на службу в Москву. Возвращаясь из Орды, князь Иван каждый раз приводил толпы выкупленных им русских пленников и селил их в пустынных местах своего княжества, помогая обзавестись хозяйством и не беря оброка в течение нескольких лет. Зато потом от обустроенных и расчищенных пашен начинал получать изрядные капиталы в свою казну.

Москва богатела и становилась самым сильным городом на Руси.

Божьей силой

С 1353 года до своей смерти в 1359 году Москвой правил великий князь Иван Красный. При нем митрополитом всея Руси в 1354 году стал святитель Алексий. Он взялся за воспитание сына Ивана Красного, будущего великого князя Дмитрия Донского, и отстоял право девятилетнего мальчика Дмитрия на московский престол после смерти его отца, несмотря на несогласие многих князей.

Уже давно московские колокола отзвонили к вечерне. Богомольцы уже давно разошлись из церкви по домам. Город приготовился к ночному отдыху. В конце улиц протянуты поперек цепи. Мелькают огоньки перед иконами в божницах на углах улиц и на площадях. Странен вид этих огоньков в заледеневших, густо покрытых снегом божницах – огонь, светящийся из льда и снега.

По кремлевским стенам ходят дозорные, и в тихом морозном воздухе раздаются их оклики:

- Славен город Москва! – начинает один.
- Славен город Киев! – подхватывает другой.
- Славен город Смоленск! – несется дальше.
- Славен город Новгород!

И, как из туго набитого мешка, сыпятся одно за другим в тишину московских улиц имена рассеянных по лицу широ-

кой земли Русской городов: они в эти часы, как и молодая Москва, отдыхают от тяжелой жизненной страды.

А вечер все углубляется, становится все таинственнее. И чуткая душа чувствует присутствие в воздухе невидимых теней былого.

Временами, взрезая тяжелые пласты снега, вразвалку проедет по улицам возок запоздавшей боярыни, или протрусит рысцой, со слугами на верховых конях, знатный человек, или, словно крадучись, проберется вдоль стен домов незаметный обыватель.

И не слышно уже более грохота отмыкаемой уличной цепи, и лая встревоженных собак, и опять с кремлевских стен падают в воздух имена старых русских городов.

И над Москвою загадочно, таинственно, тихо-тихо...

Ночные призраки наполнили и дом боярина Федора Бяконта. Выходец из черниговской земли, человек сильный, богатый, боярин Феодор имеет завидное положение при княжеском дворе.

Разумен не по летам и через своего отца блестящую будущность должен иметь старший сын Федора Елевферий. Любит он игры с товарищами, любит поскакать по полям на быстрой лошадке, половить весною птиц в силки. Но более всего любит рассказы старых людей о том, как жилось прежде, что делалось раньше на Руси.

В бою.

Художник Н.Н. Каразин

В жарко натопленной горнице у печи из цветастых изразцов сидит древний старик, которого призывает по милосердию своему боярин Федор. Неспешно ведет он свой рассказ. Маленький Елевферий углубился в тяжелое резное сиденье

с подушками и замер – не шелохнется.

При тусклом освещении оплывающей в медном заморском шандале свечи все же можно различить блеск умных глаз ребенка, выражение напряженного внимания, сменяющееся чувство страха, боли, восторга. Одной ручонкой мальчик схватился за пояс, перехватывающий шелковую голубую рубашку, другую уронил на ручку сиденья, и пальцы этой руки часто, судорожно сжимаются. А речь старика мерная, нет страсти в усталом сердце. Не без ужаса рассказывает он о разгроме русских городов при Батые, о страшных пожарах, о семьях княжеских, задохнувшихся в дыму сжигаемых соборов, тонувших в крови; о стоне, которым стонала тогда Русская земля. Стонала и стонет еще...

Без страсти рассказывает старик об удалцах-князьях Мстиславовых и внуке их, прогремевшем по миру благоверном великом князе Александре Ярославиче Невском.

Чего не доскажет старик, то восполняет богатое воображение мальчика. Он слышит грохот битв, он видит князя, как Божий гнев несущегося по полю битвы, под сенью еле поспевающего за ним стяга.

И маленькое сердце, уставшее страдать унижениями родины, утешается славными победами князя Александра.

А старик ведет все дальше свою неспешную речь. Он говорит о том, как киевскому богатырю пришлось склонять свою вольную голову перед ханом, изъявлять ему покорство, чтобы своим унижением покоить родную землю. И маленький

Елевферий едет за князем Александром в глубь степей и пустынь к великому хану. Он видит кости умерших по дороге русских путников. И разные чувства смешиваются в детской груди. Хочется, как князь Александр, носиться по полю битвы с поднятым разящим мечом, хочется страдать за народ, исходить за него кровью. И молиться, молиться за скорбную Русь.

* * *

Пятнадцати лет Елевферий поступил в один из московских монастырей и там был пострижен с таинственно нареченным ему именем Алексей.

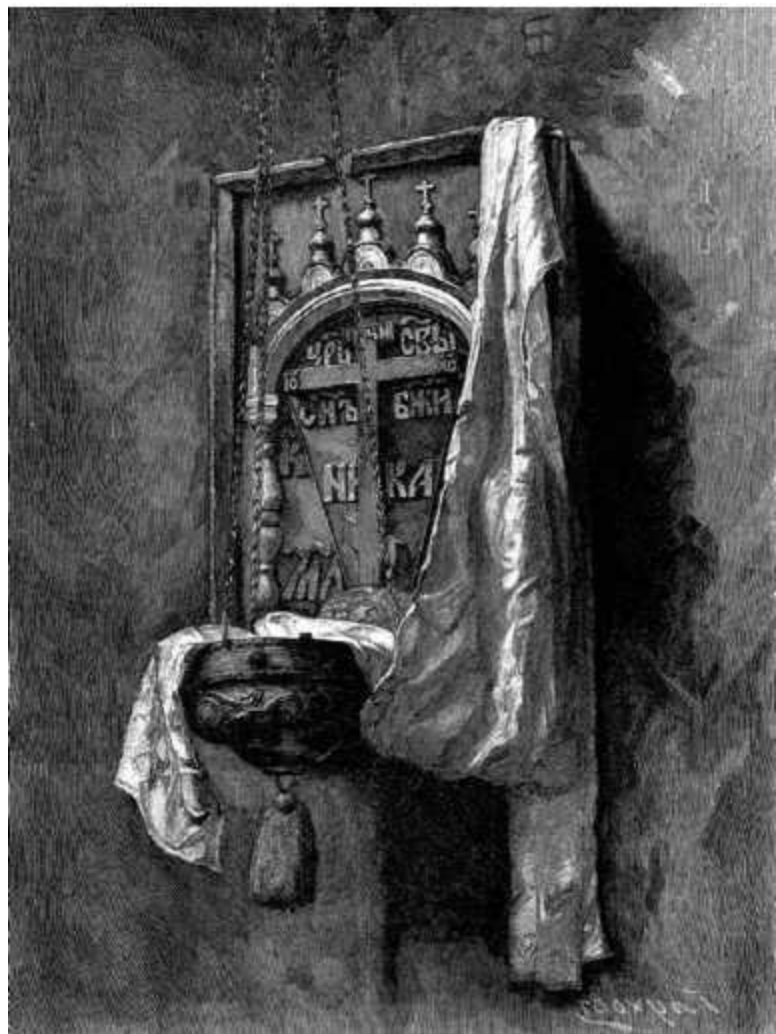
Шел год за годом. Сверстники бывшего Елевферия возвышались при дворе, а он восходил все выше и выше в тайнах божественной любви.

Двадцать лет прожил он в Богоявленском монастыре, где в то время было много добрых иноков. Тогдашний московский митрополит святой Феогност часто беседовал с Алексием. Чтила его и великокняжеская семья. В течение двенадцати лет он был помощником святителя Феогноста, который, умирая, указал на него как на своего преемника.

Митрополит Алексей принял и свято хранил завет святителя Петра и его преемников: укреплять Москву и сплачивать вокруг себя все еще слабую и неустроенную Русскую землю.

Не дала судьба сбыться мечтам его детства, не сверкал меч в его руках на полях жаркой битвы во славу родины. Но и без меча в руках он был ее защитник и оборонитель. Условия того времени требовали всячески избегать столкновений с Ордой, копить мало-помалу силы и исподволь готовиться к тому, чтобы вступить в открытую борьбу и свергнуть унижительное, тяжкое иго.

Татары оставляли неприкосновенным главное сокровище русских – их веру. С самого начала ига они охранными грамотами предоставляли епископам и духовенству обширные права, и многие из духовных лиц пользовались особым уважением татар. Так, по словам летописи, «имя святителя Алексия промеж дальних, неверных, безбожных татар обносилось как святыня».

Церковная утварь.

Художник И. Глухов

В 1357 году от хана Джанибека, жена которого Тайдула уже три года лежала слепой, пришла великому князю грамота: «Слышал я про вашего главного попа, что, когда просит он чего у Бога, Бог слушает его. Если его молитвами исцелится царица моя, будете в миру со мною. А непустишь его – пленю землю твою».

* * *

По Москве из дворцового терема быстро пронеслась весть о грамоте, полученной великим князем Иваном Ивановичем Красным от Джанибека. От бояр, проговорившихся в семейном кругу, весть была подхвачена их слугами, пронеслась в народ. О письме уже судили и рядили на площадях и торжищах, сошедшиеся у колодца хозяйки, прихожане, остановившиеся у паперти после службы.

Боялись, трепетали, гадали, надеялись.

И среди поднявшегося по всей Москве гомона ничего не знал о том только тот, кого больше всего касалось это дело.

Наконец великий князь послал к митрополиту боярина с вестью, что придет говорить с ним о важном деле.

От поздней обедни великий князь пожаловал к святителю.

Они остались говорить наедине.

Казалось, смятение, волной разлившееся по Москве, не коснулось ликами только митрополичьей кельи. Бесстрастно теплились лампы перед старых икон, бесстрастен был вид величавого святителя с печатью неземного мира и ясности на выразительном лице.

Спокойно слушал Алексей взволнованный рассказ князя, который, держа в руках татарскую грамоту, наизусть читал затверженный перевод придворных толмачей.

Князь умолк. Святитель тоже молчал. Потом встал, помолился на иконы. И все тем же спокойствием святились ясные глаза. Наконец он произнес:

– Прощение и дело выше моей меры. Но я верую, что Бог, даровавший прозрение слепорожденному, не презрит того, кто с верою Его просит...

* * *

По Кремлю несся гул колоколов.

В Успенском соборе по случаю отъезда святителя Алексея собрались служить напутственный молебен.

Во все кремлевские ворота валом валил народ. Соборная площадь казалась морем колыхающихся голов. Рослые вершники с трудом охраняли узкий проход, оставленный для следования в собор великокняжеской семьи.

Митрополит прибыл раньше, воздавал поклонение гро-

бам предшественников своих, московских святителей, облачался. Под трезвон колоколов из терема прошел великий князь с супругой и вдовствующей княгиней Серпуховской, а перед ними, взявшись за руки, шли малолетний княжич Дмитрий, будущий победитель Мамаю, и двоюродный брат его малолетний Владимир Андреевич, будущий сподвижник Дмитрия на Куликовом поле.

Начался торжественный чин истового молебного пения.

Привычно внимал святитель Алексей знакомым словам, и в то же время много мыслей проносилось в голове его, много чувств волновалось в груди: рассказы старика о скорбях Русской земли, желание помочь, послужить, принести жертву родине, дальнейе утро на подмосковных лугах и таинственный голос, первые подвиги, труды для родного края, взваленная на плечи непосильная ноша – требование хана.

Митрополит Алексей в Орде у больной Тайдуллы.
Художник А.Е. Земцов

Душа как бы отделилась от тела, унеслась из Успенского собора, вступила там, в высоком небе, в ряды отстрадавших, прославленных строителей Русской земли, и требовала чуда...

Вставали картины, с детства поразившие святителя. Неужели опять нашествие, избиваемый народ, дымящиеся развалины городов?..

И вознесшаяся в небо, и в то же время присутствовавшая в Успенском соборе душа требовала чуда.

Медленно совершался обряд молебного пения. В слезах, трепеща за свою участь, молилась в храме и вокруг него толпа многонародной Москвы. В один протяжный вопль сливались мольбы к Богу московских жителей.

И громче всех там, в недостижимом небе, вопила душа Алексия-митрополита, требуя чуда.

Вдруг в церкви поднялось движение. Свеча у раки московского первосвятителя Петра, стоявшая по ошибке незажженной, зажглась сама собою.

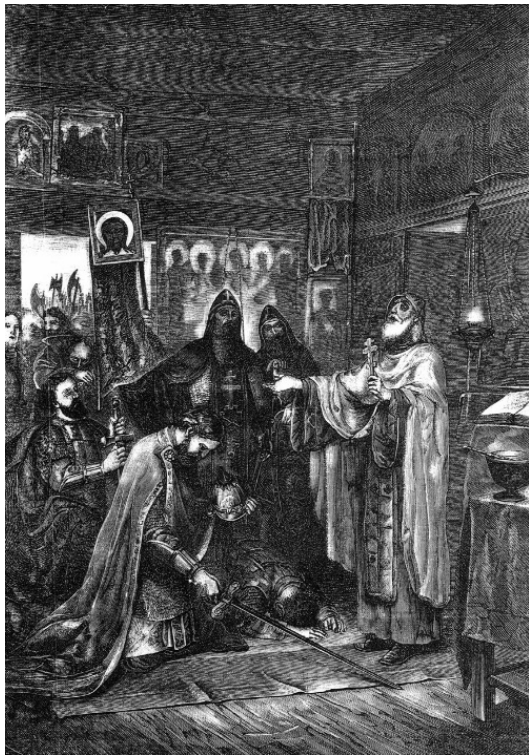
И в этом чуде было как бы уже обещание и совершение требуемого Джанибеком чуда.

Русские летописи рассказывают о том, как святитель Алексей с этой чудесной свечой прибыл в Орду; как между тем Тайдула видела во сне святителя и заказала для него облачение, подробно описав его по сновидению; как в Орде святитель, отслужив молебен, зажегши Петрову свечу и окропив Тайдулу святой водой, дал слепой ханше прозрение; как Джанибек подарил святителю медный перстень с изображением дракона, а в Москве – землю, где митрополит основал Чудов монастырь, в который упокоились его святые мощи.

Под великокняжеским стягом

После очередного пожара в 1367 году великий князь Дмитрий Иванович приказал вместо деревянного выстроить каменный город. При нем возвели белокаменные стены и башни городской крепости, которая с этого времени стала называться в летописях Кремлем.

Бракосочетание великого князя Дмитрия Ивановича с Евдокией совершено было в 1366 году, января месяца в 18-й день. Князю исполнилось восемнадцать лет, и он княжил уже шестой год. Брачное торжество прошло в Коломне со всем великолепием и пышными обрядами того времени. По словам летописца, это событие преисполнило невыразимой радостью сердца всех русских и тем более виновников торжества. Но недолго суждено было молодой княгине наслаждаться безмятежной жизнью счастливого супружества. В самый год бракосочетания ужасная моровая язва поразила Москву. Затем следовали городские пожары, нашествие Ольгерда, поездка Дмитрия в Орду. Евдокия с твердостью переносила эти бедствия, являясь, сколько было в ее силах, помощницей своего супруга.

Преподобный Сергей Радонежский благословляет великого князя Дмитрия Ивановича перед Куликовской битвой

Узнав о Мамаевом нашествии, Дмитрий Иванович по благочестивому обычаю предков прежде всего поспешил в Успенский собор с молитвой о подании небесной помощи против врагов и потом уже разослал гонцов для сбора воин-

ства. Тогда все вдруг пришло в движение, каждый горел желанием принять участие в предстоящей борьбе. Кто не мог служить отечеству оружием, тот служил ему молитвами и делами христианского благочестия. В этом последнем деле Евдокия подавала первый и лучший пример.

Великий князь между тем, устроив полки, отправился в Троицкий монастырь, чтобы принять благословение преподобного Сергия и просить его молитв. Возвратившись в Москву, он велел войскам выходить, а сам пошел в Архангельский собор. Укрепившись там молитвой и поклонившись праху предков, Дмитрий Иванович вышел из церкви. Тут встретила его Евдокия, окруженная женами князей и воевод, множеством народа, собравшегося провожать великого князя.

– Оставь слезы, – сказал ей князь. – Бог нам будет заступником, и мы не убоимся врага.

Скоро получено было известие, что великий князь со всем войском переправился через Оку в Рязанскую землю и пошел на бой против татар. И стали все скорбеть за князя и за землю Русскую. Не в одной Москве, но и во всех других городах, по словам летописца, раздавались стоны, плач, рыдания.

Утром 8 сентября 1380 года, в субботу, на Рождество Пресвятой Богородицы, русские полки перешли Дон и смело ударили на татар, несметною силою обложивших противоположный берег.

– Княже, дозвожь слово вымолвить! – обратился к Дмитрию Ивановичу любимец его боярин Михаил Андреевич Бренко.

– Говори, Михайло Андреевич, – ласково ответил великий князь.

– Разреши, княже, мне твои доспехи княжеские надеть и стяг твой великокняжеский на свои рамена принять! Дмитрий с изумлением взглянул на говорившего. Татары знают хорошо твои бранные доспехи, будут пытаться тебя в полон взять или убить... Погибнет пастырь – разбегутся овцы его, и снова святая Русь попадет под ярмо татарское!

– Верный ты раб, Михайло, растроганно произнес Дмитрий Иванович, – говоришь правду.

Князь и боярин поменялись доспехами и конями. Бренко взял благоговейно черный великокняжеский стяг и поместил его в особый поставец у правого стремени.

Хан Мамай во время Куликовской битвы

– Да хранит тебя Бог, Михайло Андреевич! – сказал великий князь, прислонился к иконе Пресвятой Богородицы, лежащей на бывших доспехах, перекрестился истово, широко и поскакал в самую сечу.

Русские двинули на врага почти всю свою рать, оставив в засаде только полки князя Владимира Андреевича и воево-

ды Дмитрия Михайловича Боброка.

На невысоком кургане остался с несколькими дружинниками боярин Бренко, твердо держа в стремени великокняжеский стяг. Запели, завизжали над его головою татарские стрелы; заметили зоркие вражеские очи на холме доспехи Дмитрия Ивановича и стяг. Так и рвутся до кургана добратся. Но держатся дружинники и разят врагов длинными своими копьями.

Все больше и больше разгорается бой, все сильнее наседают на русские полчища татарские! «Посечены многие князья, бояре и воеводы русские, мечами булатными о шеломы хановские», – говорит летописец. Дрогнули русские полки и отступили, татары с гиком за ними погнались.

Увидел из засады князь Владимир Андреевич, как победою рать православная, заплакал горько и сказал боярину Волынскому-Боброку:

– Пропала Русская земля! Пойдем с нашими полками, хоть честь свою сохраним, костями ляжем!

– Не время, князь, – ответил спокойно воевода, – ветер прямо на нас дует, подождем.

Ждать долго не пришлось; ветер переменился, и воевода Боброк вместе с князем Владимиром Андреевичем бросились на татар. Последние, не ожидая встретить неприятеля, дрогнули и побежали. Русские, видя беспорядок в татарских полчищах, дружно надвинулись на них и погнались за врагом. Гнали до самой реки Мечи, людская кровь лилась на

десять верст, лошади ступали по трупам. Многие полегли в том бою.

Победа русских была полная. Медленно собирались на звуки труб измученные ратники.

– Где же Ольгердовичи? – спросил князь Владимир Андреевич.

– Посечены, – был ответ дружинников.

– А брат мой, великий князь Дмитрий Иванович?

– Видел я, как на него надели четыре татарина, – ответил седой дружинник, залитый кровью. – Я не мог ему помочь.

– Великий князь ранен, – заметил другой ратник, – у него на лице была кровь.

– Ступайте ищите великого князя! – обезумев от горести, приказал Владимир Андреевич. – Живого или мертвого, но найдите мне брата.

Все бросились на поиски.

Дмитрий Донской, сопровождаемый князьями и боярами, объезжает Куликово поле после битвы.

Художник А.И. Шарлеман

– Убит великий князь! – с ужасом воскликнул воевода Боброк, заметив на кургане доспехи Дмитрия Ивановича с иконой Богоматери на груди.

Белый конь, пораженный вражеской стрелой, был тут же. Убитый ратник лежал лицом к земле. Великокняжеский стяг закрывал его голову.

Дружинники осторожно перевернули тело.

– Это не брат Дмитрий, это боярин Бренко! – вскричал Владимир Андреевич. – Ищите, ищите!

Наконец наткнулись на Дмитрия Ивановича. Он лежал, израненный, без чувств, под ветвями срубленного дерева.

– Жив! – плача от радости, сказал Владимир Андреевич.

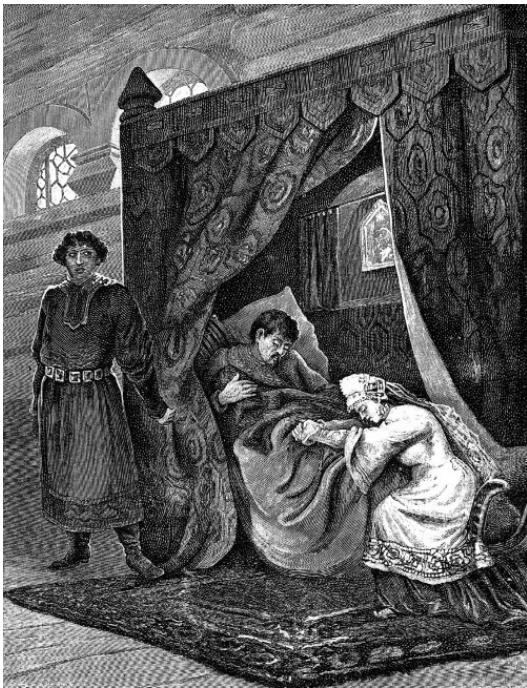
– Жив великий князь! – эхом пронеслось между полками.

Скоро Дмитрий пришел в себя и тихо спросил:

– Где я?

Ему было передано известие о победе и о потерях русских. Услышав о смерти боярина Бренко, Дмитрий Иванович перекрестился и прошептал:

– Помяни, Господи, раба твоего боярина Михаила, положившего душу ради моего спасения!

Великая княгиня Евдокия у ложа умирающего мужа.
Художник В.В. Муйжель

Поход имел благоприятный исход, ярко блеснула заря свободы от татарского ига в русских душах.

22 мая 1389 года, не достигнув еще сорока лет, умер великий князь Дмитрий Иванович Донской.

Потеря супруга была для Евдокии несчастьем, ничем не вознаградимым, последним испытанием, разорвавшим все

связи с земным. Она отреклась от мира, изнуряя тело свое постом и молитвой и посвятив себя всецело на дела благочестия и благотворения.

Владимирская икона Божьей Матери

Владимирский образ Божьей Матери – одна из самых древних икон Пресвятой Богородицы; по преданию, написана она святым евангелистом Лукой. В 1331 году образ был прислан константинопольским патриархом киевскому князю Мстиславу и поставлен в Вышгороде. Князь Андрей Боголюбский перенес ее во Владимир, где для нее выстроили Успенский собор, и тогда же она получила название «Владимирская».

С 1395 года и по сей день чудотворная Владимирская икона Божьей Матери пребывает в Москве.

Печален был для России конец XIV века. Едва Русь стала понемногу оправляться от бедствий, причиненных грозным войском хана Мамай, как в Орде воцарился Тохтамыш, и в Москве была получена тревожная весть, что татары захватили в земле болгарской всех русских купцов и на их судах стали переправляться через Волгу. Этого нападения не ожидали и потому не успели приготовиться к отпору.

Вторгшись в русские пределы в 1395 году, Тохтамыш нигде не встречал сопротивления, взял уже Серпухов и быстро шел к Москве. Столица Русского царства была беззащитна. Только незначительная горсть храбрецов затворилась в Кремле, дав торжественную клятву биться до последней кап-

ли крови с неверными. Но им недолго пришлось стоять на защите русской твердыни. Хитростью вызванные из Кремля, все они были изрублены татарскими саблями и истоптаны лошадьми. Это была не битва, а дикая бойня. Не удерживаемые теперь никем, татары ворвались в Кремль, разбили церковные двери и вломились в алтари. Церковные сосуды, облачения, княжеское имущество, пожитки бояр, товары купцов, снесенные в Кремль, – все было разграблено или истреблено пожаром.

Татары, пирующие после битвы.
Художник Н.А. Кошелев

Разрушив Москву, татары стали рыскать по всей великокняжеской области и опустошили волости: Юрьева, Звенигорода, Дмитрова, Можайска... При неожиданном натиске Тохтамыша почти все русские князья растерялись. Только Владимир Андреевич, князь Серпуховский обрушил удар на грозный татарский отряд и разбил его. Это внезапное поражение и разнесшийся слух о том, что великому князю Василию удалось собрать под Костромой сильную рать, смутили Тохтамыша, и он отступил.

Снова на Руси настало затишье, но и на этот раз недолгое.

В Средней Азии явился новый могучий завоеватель, подобный Чингисхану, страшный своей силой и жестокостью. Это был Тимур, или Тамерлан.

Явившись «с восточной страны, от Синей орды, от Шамахинской земли, от Заяицких татар», Тамерлан «велику брань сотвори и многие мятеж воздвиже во Орде и России своим приходом».

По преданию он не был ни царского, ни княжеского, ни боярского рода.

Сплотив в единое целое грозные орды татар, он привел в трепет всю Азию. Все земли от Аральского моря до Персидского залива, от Кавказских гор до пустынной Аравии скоро подпали под его власть.

– Друзья и сподвижники, – говорил он своим эмирам, собираясь напасть на Индию, – счастье благоприятствует мне

и призывает нас к новым победам. Мое имя привело в ужас вселенную; движением перста потрясаю землю. Царства Индии для нас открыты. Сокрушу все, что дерзнет мне противиться.

И в этих словах Тамерлана действительно была правда. страшная сила его диких орд давила все встречавшееся на пути. Могучий турецкий султан Баязет попробовал было сдержать завоевательное устремление этого «владыки мира», но был раздавлен на Ангорских полях. На местах побоищ по приказанию Тамерлана складывались целые горы из черепов погибших, чтобы служить доказательствами его грозного шествия.

С этим-то ужасным «истребителем людей», державшим в своих руках судьбу Азии и Европы, отважился бороться памятный для России хан Кипчацкой орды – Тохтамыш. В 1395 году на берегах Терека он был разбит и решил спастись бегством. В погоне за ним Тамерлан перешел Волгу и вступил в наши юго-восточные пределы Руси. Страшная весть о приближении Тамерлана о его несметных полках, свирепости и постоянных победах ужасала всех.

Довольно скоро подошел Тамерлан со своими грозными полчищами к пределам рязанским, взял город Елец, пленил князя елецкого, избил многих христиан и устремился к Москве.

Но великий князь, однако, не растерялся: он немедленно велел собираться войску и во главе многочисленной рати сам

стал на берегу Оки, на границе своих владений, готовясь дать отпор приближавшемуся врагу. Вместе с тем благочестивый князь усердно молился Богу и Пресвятой Богородице об избавлении Руси от надвигавшейся угрозы; он призывал на помощь великих угодников Божьих – Петра, Алексия и Сергия, писал митрополиту Киприану, чтобы наступивший Успенский пост посвящен был самым усердным молитвам и подвигам покаяния.

Со своей стороны, и народ шел навстречу благочестивому усердию великого князя. В храмах Божьих с утра до вечера совершались молебствия о князе и православном воинстве. Митрополит почти не выходил из храма, утешая оставшихся в столице и горячо молясь за идущих на брань святую.

В то же время великий князь распорядился, чтобы в Москву была принесена из Владимира икона Божьей Матери, при чудодейственной помощи которой князь Андрей Боголюбский победил болгар. Во Владимир было отправлено духовенство московского Успенского собора и в день Успения после литургии и молебствия приняло на свои руки чудотворную икону. Народ при этом умилительно восклицал:

– Куда Ты отходишь от нас, Владычица? Для чего оставляешь нас сирыми и отвращаешь от нас лицо Свое?

Встреча Владимирской иконы Божьей Матери на Кучковом поле

Через десять дней священное шествие с иконой приблизилось к стенам Москвы. Бесчисленные толпы народа собирались по пути несения святыни и, преклоняя колени, с усердием и слезами молились:

– Мать Божья, спаси землю Русскую!

Московское духовенство, члены великокняжеского семейства, бояре и простые жители Москвы встретили святыню далеко за городом и торжественным крестным ходом сопровождали ее до Успенского собора, с теплой верой взывая

к заступничеству Царицы Небесной.

Воистину вера, благоговение и моления православных не были напрасны.

В тот самый день час, когда москвичи встречали икону Богоматери, Тамерлан дремал в своем шатре и увидел перед собой великую гору. С ее вершины спускались по направлению к нему святители с золотыми жезлами и бесчисленные тьмы Ангелов с пламенными мечами. Над святыми же мужами и Ангелами в лучезарном сиянии Тамерлан увидел жемчужину неизреченного величия, которая и повелела ему оставить пределы России.

Грозный хан пришел в ужас от этого видения и, проснувшись, созвал к себе старейшин, чтобы те разъяснили ему значение таинственного видения.

– Виденная тобой Дева есть Мать Бога христианского и Защитница русских, – отвечали хану старейшины.

– Тогда мы не одолеем их, – сказал хан и, к великому удивлению русских и всех его окружавших, немедленно приказал полчищам своим двинуться вспять.

Православные были поражены чудодейственной помощью Небесной Заступницы и в умилении зывали:

– Не наши войска прогнали его; не наши вожди победили его, но сила Твоя, Мати Божья!

В память этого чудесного события на месте встречи чудотворной иконы, на Кучковом поле, был воздвигнут Сретенский мужской монастырь, а самый день встречи, 26 августа,

стали торжественно праздновать во всей России.

В Москве в этот день совершается крестный ход из Успенского собора в Сретенский монастырь.

Москва белокаменная

Белокаменные соборы и многие крепостные стены Владимиро-Суздальской Руси построены из подмосковного известняка, добывавшегося в подземных каменоломнях по берегам реки Пахры в районе деревень Старое Сьяново, Новлинское и Киселиха, близ Горок и железнодорожной станции Домодедово, где древние каменотесы, вырубili обширные пещеры из многочисленных штолен, залов, коридоров. Известные ходы Сьяновских пещер тянутся на семнадцать километров, образуя сложный запутанный лабиринт. Огромные залы с многочисленными ответвлениями и просторные галереи сменяют узкие лазы и тупики, заваленные глыбами известняка.

О том, как высоко ценилось народом и в течение веков не падало в цене точное, меткое и выразительное слово, говорит существование в фольклоре так называемых постоянных эпитетов: красная девица, добрый молодец, алая заря, чистое поле...

Эпитет в паре со своим постоянным существительным воспринимается слушателем или читателем в гораздо более глубоком и широком значении, чем сам по себе, без него. В их сочетании заложена многовековая народная эстетическая традиция и исторические воспоминания, которые вошли уже в сущность народного характера, народной души.

Поэтому-то постоянные эпитеты и создаваемые ими образы не выцветают, не гаснут и не становятся штампами с течением времени.

Былое.

Художник К.С. Высоцкий

Эпитет «белокаменная», приложенный к Москве, как раз такого рода.

А. С. Пушкин пишет:

Но вот уж близко. Перед нами
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми

Горят старинные главы.

Ф. Н. Глинка в своем известнейшем стихотворении «Москва» («Город чудный, город древний.....») дает один эпитет, без существительного: свидетельствуя, что этот эпитет уже давно общеизвестен и соотносим только с Москвой и что он в каких-то случаях может быть даже заменой самого слова «Москва».

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!

Почти точно определяется время, когда Москва стала называться белокаменной.

Юрий Долгорукий, сообщает летопись, основав Москву, уже в 1156 году повелел ставить «град мал, деревян». В последующие два столетия стены города перестраивались, укреплялись, но оставались деревянными. Иван Калита в 1339–1340 годах возвел очень крепкую по тому времени крепость – «град дубов». Деревянной было и вся застройка города. Но с начала XIV века в Москве стали строить церкви из «белого камня» – известняка, который добывали в Подмосковье по берегам Москвы-реки. Наиболее известны каменоломни возле села Мячкова при устье реки Пахры. К середине XIV века над дубовыми стенами Москвы среди сплошных деревянных хором и изб возвышались каменные храмы: Успенский собор, собор Архангела Михаила, церкви

Иоанна Лествичника и Спаса на Бору.

С течением времени военное дело совершенствовалось, появилось огнестрельное оружие, и деревянные стены уже не представляли такой защиты, как прежде.

В 1366 году юный князь Дмитрий Иванович (еще не Донской, до Куликовской битвы оставалось четырнадцать лет), как сообщает летопись, «со всеми бояры старейшими сдума-ша ставити город камен Москву, да еже умыслиша, то и сотвориша. Тое же зимы повезоша камение к городу». Добывали, или ломали, камень в каменоломнях летом, а доставляли на место зимой, по санному пути, что было и разумно, и удобно.

Современные исследователи-историки А. М. Викторов и Л. И. Звягинцев подсчитали, что на строительство кремлевской стены было израсходовано 14 370 кубометров тесаного камня и около 40 000 кубометров забутовки; чтобы выломать такое количество камня, нужно затратить 41 500 человеко-дней с продолжительностью рабочего дня 10 часов ежедневно; для доставки такого количества камня в Москву необходимо 230 000 ездов, а, чтобы доставить его за одну зиму, 4 500 возчиков должны были каждый день возить камень, образовав непрерывную цепочку от Мячкова до Кремля.

Летом 1367 года, когда материал для строительства был подготовлен, строители «заложи Москву камен и начаша делати беспрестани».

В том же году строительство было закончено. Крепостная стена с девятью башнями, длиною около двух километров, высотой в три метра, толщиной в два-три метра, была возведена за один строительный сезон. Таких огромных строительных работ Русь еще не знала.

Уже год спустя новые стены спасли город от разорения: в 1368 году литовский князь Ольгерд пришел с сильной дружиной к Москве, но не смог ее взять; неприступной оказалась она и в 1370 году, когда Ольгерд вторично привел свое войско под ее стены.

Часовой в Кремле.
Художник И. Панов

В 1382 году, когда на Москву напал хан Тохтамыш, москвичи решили обороняться. «Имеем бо град камен тверд и врата железны», – сказали они. Три дня штурмовали татары стены, теряя много воинов, но безуспешно. «Видя неудачу, – пишет Н. М. Карамзин, – Тохтамыш употребил ковар-

ство, достойное варвара». На четвертый день хан вступил в переговоры, он сказал, что он враг не горожанам, а великому князю (которого в то время в городе не было), что он не будет разорять город, а лишь возьмет дары, осмотрит Москву и удалится. Поручителями истинности намерений Тохтамыша выступили пришедшие с ним сыновья нижегородского князя Дмитрия. Москвичи поверили их клятвам, поскольку те были «россияне и христиане», и открыли ворота. Татары разорили и сожгли город, побили жителей и ушли, увозя награбленное, уводя пленников.

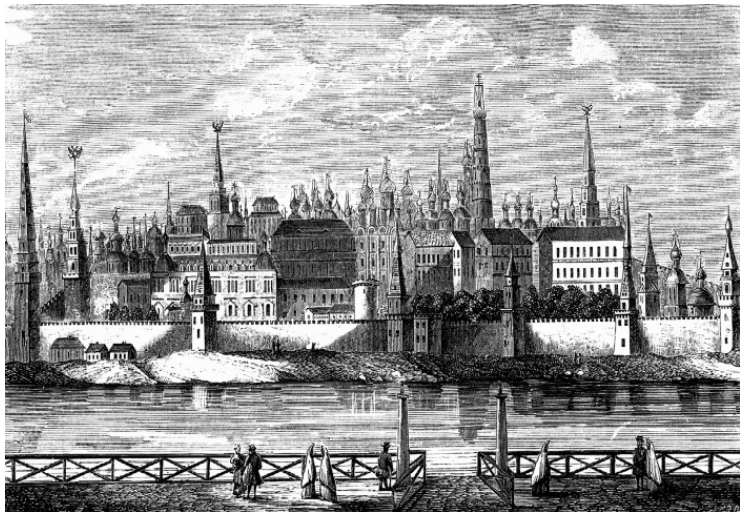
Об этом горестном событии рассказывает «Повесть о Московском взятии от царя Тохтамыша». Описывая разорение Москвы, автор повести вспоминает, какова была Москва до нашествия: «Бяше бо дотолє видети град Москва велик и чуден, и много людей в нем и всякого узорочия».

После разорения Тохтамышева Москва не сразу, но возстала из пепла: москвичи восстановили сгоревшие церкви, построили новые, а крепостные стены и так оставались нерушимы. Целое столетие они служили верной защитой городу, больше ни одно вражеское войско не смогло их преодолеть: хан Едигей в 1409 году подошел, постоял, а на штурм не решился. «Пристроения ради градного, – сообщает летопись, – и стреляния со града». В 1439 году безуспешно осаждал Москву хан Махмет, в 1451 году – царевич Ордынский Мазовша.

Белокаменный Кремль был гордостью Руси. В «Задонщи-

не», поэме о Куликовском сражении, подчеркивается, что войска выступили на битву «из каменного града Москвы»; и в «Сказании о Мамаевом побоище» обращается внимание на это же: «Князь же великий Дмитрий Иванович... выехоша из города каменного Москвы во все трои ворота: во Фроловские, и в Никольские, и в Костянтиновские». В одной из летописей конца XIV века помещен список русских городов: «А се имена градам русским дальним и ближним». Здесь перечисляются лишь названия городов, и только в одном случае, при имени Москвы, дано слово, характеризующее город: «Москва камен».

Таким образом, появился ставший постоянным эпитет Москвы – каменная, белокаменная. Белокаменные стены Кремля в конце XV века в царствование Ивана III, были заменены кирпичными. Но эпитет «белокаменная» не только оставался за Москвой, но с годами и веками еще более укреплялся.

Московский Кремль в XVII веке.

Художник О. Майкалит

Было это вызвано и народным воспоминанием о белокаменном Кремле Дмитрия Донского. Он был не только могучей крепостью, но и прекрасным памятником древнерусского зодчества. В серии картин А. М. Васнецова, посвященных старой Москве, одна из самых красивых – «Московский Кремль при Дмитрии Донском». Поддерживало эпитет также то, что в Москве и в более позднее время широко использовался белый камень как для строительства храмов, так и в светском зодчестве. Немало белокаменных построек сохранилось до настоящего времени: Грановитая палата

в Кремле, Спасский собор Андроникова монастыря, колонада Градских больниц, военного госпиталя в Лефортове, больницы имени Склифосовского близ Сухаревской площади; многие здания декорированы белым камнем; его использовали для фундаментов, из него сложен цоколь храма Василия Блаженного; между прочим, из мячковского камня сделаны львы на воротах, бывшего Английского клуба на Тверской. А как выглядела белокаменная стена Кремля, можно увидеть в подземном переходе на Варварской площади: там оставлены незакрытыми облицовкой несколько белокаменных блоков нижней части башни Китайгородской стены – Варварской, сложенной из того же мячковского камня.

И вообще, светлый, белый цвет характерен для Москвы. Краснокирпичную кремлевскую стену Ивана III почти четыре века белили, такова была традиция, безусловно рожденная не только заботой о сохранности кирпича, но и памятью о белокаменном Кремле Дмитрия Ивановича; таким, белым, изображен Московский Кремль на живописных полотнах конца XVIII века, например на широко известных картинах Ж. Делабарта: побеленной представлена кремлевская стена и на картине П.

П. Верещагина «Вид на Кремль», написанной в 1860 году. Белишь Кремль перестали в самом конце XIX века: на картине А. М. Васнецова «Московский Кремль» 1894 года стена еще светлая, а на этюде М. В. Нестерова 1897 года – уже красноватая. Это дало Маяковскому представить доре-

волюционную и послереволюционную Москву таким поэтическим образом:

Москва белокаменная,
Москва камнекрасная...

И все же достаточно взглянуть на город с какой-нибудь возвышенной точки, чтобы убедиться, что главный цвет его застройки светлый, белый.

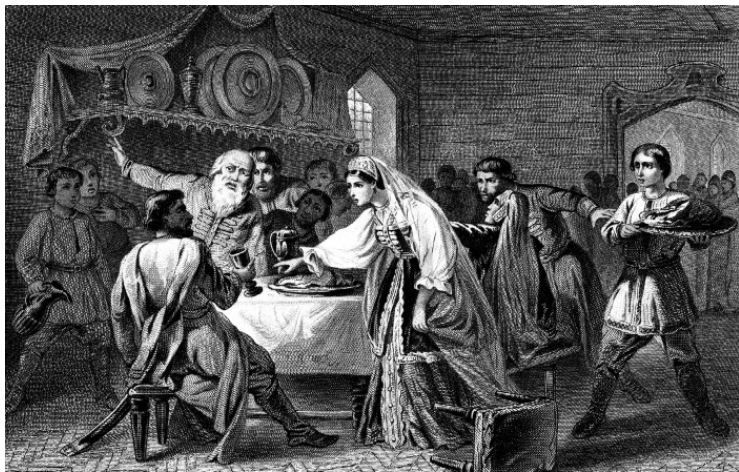
Проклятые грамоты

Церковный собор русских иерархов 15 декабря 1448 года поставил в московские митрополиты без согласия константинопольского патриарха рязанского епископа Иону. Это было началом фактической самостоятельности Русской митрополии.

Ранней весной 1446 года Москва, а за нею и все северные области Московского государства были испуганы, переполошены и смущены ужасной вестью. Случилось то, чего никто ожидать не мог: был ослеплен царь и великий князь московский сосуд Василий Васильевич. Лишила его зрения, этого великого дара Божия человеку, рука его ближайшего родственника по плоти, князя Дмитрия Юрьевича Шемяки.

Много-много лет шла ожесточенная борьба московского князя со звенигородскими Юрьевичами. Пошла она с того злосчастного дня, когда на брачном пиру юного Василия его мать, пылкая и смелая литовчанка, царица Софья Витовтовна, сорвала со старшего Юрьевича, князя Василия Косого, драгоценный пояс, по праву принадлежавший ее сыну. Оба старших Юрьевича, Василий и Дмитрий, были люди грубые, своевольные, жестокие. Один только младший брат их, Дмитрий Красный, обладал мягким, добрым характером и любил справедливость. Самым же лютым из братьев, са-

мым алчным был Дмитрий Шемяка. Василий Косой был удалец, воин, огрубевший в многочисленных жарких сечах. На высоту царского престола он не стремился. Но Дмитрий Шемяка, не столько храбрый, сколько пронырливый, хитрый, злобно жестокий, спал и видел себя на московском великокняжеском столе, который начали уже величать и царским.

Пир у князя

Шемяка повел борьбу с Василием на свой страх и риск. Государевы дружины неоднократно рассеивали его приверженцев, но он собирал их вновь, и снова лилась русская кровь из-за княжеских усобиц. Наконец судьба предала великого князя Василия в руки Шемяки. Злобный Юрьевич,

не осмелившись поднять преступной руки на старшего, ограничился тем, что ослепил его и сослал в Углич на кормление.

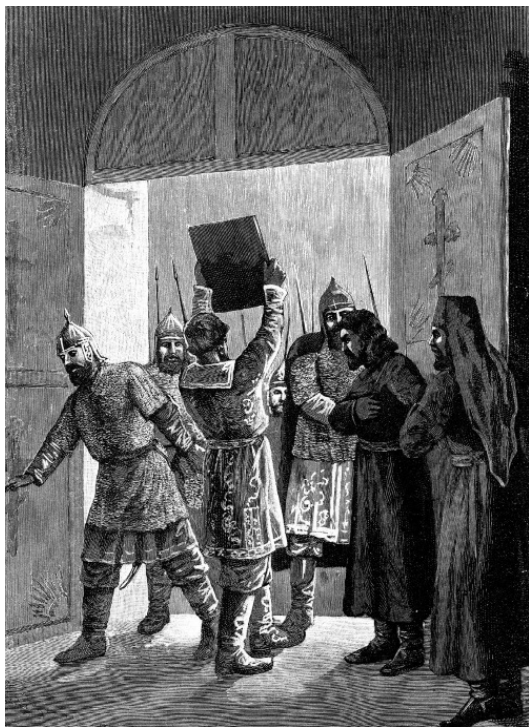
Весть об этом преступлении как гром поразила русских людей. Московский князь, стремившийся к единовластию, уже успел показать свои преимущества перед разорившей народ удельной системой, и теперь наиболее благоразумные страшились за будущее.

– Ахти, последние времена настали! – говорили, и даже совсем не тихо, на Москве. – Какое дело совершилось!

– Злодей Шемяка! И чего от него, кроме сущего злодейства, ожидать?

– А чего добился он, зверь лютый, злодеянием своим? Не усидеть ему, окаянному, на столе, волку смердящему.

Ропот рос, с каждым днем, все усиливаясь и усиливаясь. Рассказы о народном негодовании дошли и до Шемяки. Алчный Юрьевич испугался. На его стороне было ничтожное количество своевольников да буйной молодежи, а все лучшие люди оказались на стороне Василия. За слепца было и духовенство, всегда хранившее заветы справедливости и законной власти. Особенно видным сторонником ослепленного Шемякой Василия считался игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон – суровый инок, на все глядевший с точки зрения высшей законности.

Великий князь Василий Васильевич перед воинами Шемяки.

Художник С. Караулов

Летом того несчастного года, когда был ослеплен великий князь московский, в Кирилло-Белозерский монастырь при-скакал молодой боярский сын Савва Трегубов и приказал провести себя прямо к игумену.

– Что скажешь, чадо? – спросил его Трифон после обычного уставного приветствия. – Какие вести принес ты нам? Добро или худо?

– Не говори, отче святой, о добре. Перевелось оно на Руси! – отвечал Савва.

– Того не может быть! – возразил инок.

– Ан нет, может! Вывел все добро Шемяка окаянный!

– Будто так? Или что новое, горшее прежнего, учинил он нашему великому князю?

– Изничтожил он его...

– Как?! Убить осмелился?

– Хуже. Телом-то жив великий князь Василий Васильевич. Да уж и не знаю, можно ли его теперь великим величать.

– Говори, Саввушка, толком, без присловий своих: что приключилось? – строго произнес Трифон. – Помни, приставлен от нас твой отец глазом быть при великом князе и через тебя мне все поведать.

– Он-то и послал меня к тебе, отче, с докладом. А случилось вот что: дал на себя Василий Васильевич проклятые грамоты.

Трифон побледнел при этих словах гонца.

– Как дал? – пролепетал он. – Великий князь?.. На себя?..

– Выходит, отче, что так.

– Да как же это могло выйти?

– Прослышал окаянный Шемяка, что много людей всякого чина и звания за великого князя стоят, а против него, зве-

ря лютого, пылают. И тогда решил всех отворотить от мученика неповинного. А жил, как тебе известно, великий князь в Угличе. В угнетении, отче, жил он, слепец несчастный, и сыновья его в руках Шемяки находятся. Что только он ни перестрадал за эти дни! Как перемучился! Худо жилось ему. Углицкие кормы весьма скудны, и всего великому князю перетерпеть пришлось. Вдруг с большим отрядом Шемяка и жалует к нему. Словно и впрямь князь великий. Бояре-изменщики с ним, епископы, архимандриты, игумены тоже.

Тяжелый вздох вырвался из груди Трифона. Глазами, полными слез, взглянул он на образ, завешанный убрусом, потупился и тихо, словно стыдясь чего-то, проговорил:

– А что же они?

– Приступили все они к великому князю с уговорами.

– А Василий что? – перебил Савву Трифон.

Кирилло-Белозерский монастырь в XVII веке

– Сперва тверд был. А потом склоняться стал... После ду-

ховной-то бояре приступили и на все лады пужать его начали. Некуда-де ему, слепцу, уйти теперь. Слепой-де князь и народу не нужен, теперь-де ему только и думать, как пропитаться до конца живота своего. Великий князь все еще тверд был. А потом сам Шемяка явился. Да не просто, а с поклонами. В ноги, вишь, кланялся, каялся и прощения просил. Тут против Шемякина добра и не устоял великий князь, сам себя грешником признал и проклятые грамоты на себя дал. Слышь ты, отче, запомнил я, что говорил он, от слова до слова запомнил. «И не так мне надобно было пострадать за грехи свои, – великий князь говорил, – и клятвопреступление перед вами, старшими братьями моими, и пред всем православным христианством. Достоин я был и смертной казни, но ты, государь, – это Шемяка-то! – выказал ко мне милосердие, не погубил меня с беззакониями моими, дал мне время покаяться!» И когда говорил это Василий Васильевич, слезы в три ручья из его глаз текли.

– И проклятые грамоты дал? – быстро спросил Трифон.

– Дал, отче!

– Не он дал, а горе его. Иди, Саввушка, отдохни с пути-дороги. А я тут помолюсь. Да просветит меня Господь! – отпустил гонца Трифон.

Долго он, оставшись один, стоял на молитве и, когда кончил ее, будто просветлел весь.

Всю ночь до рассвета писал Трифон грамоту слепцу Василию. Иногда, прерывая писание, задумчиво говорил сам

себе:

– Погибнет Русь в руках Шемяки. А ежели народ узнает о его злодействе, отвертится от князя своего.

Игумен Трифон и великий князь Василий Васильевич Темный

На рассвете Трифон призвал к себе Савву Трегубова и, вручая ему свиток, приказал стрелою лететь обратно и передать отцу, чтобы он прочел грамоту слепому великому князю.

* * *

Прошло с месяц времени, и к воротам Кирилло-Белозерского монастыря подъехал поезд, огромный по количеству провожавших. Это бывший великий князь Василий Васильевич приехал в святую обитель из отданной ему «на кормление» Вологды. Радостным звоном колоколов встретил его монастырь. Двое ближних бояр под руки ввели в соборный храм несчастного слепца. Там уже ждал его суровый игумен Трифон со всей братией.

– Гряди, князь великий московский и всея Руси, – приветствовал его Трифон.

– Святый отче! – взволнованно заговорил слепец. – По голосу узнал я тебя, но приблизиться не смею. Проклял я себя...

– Смело гряди, сын мой! – загремел голос Трифона. – Клятвы твои поневоле даны, не принимает Господь таких клятв. И дабы душа твоя была спокойна, я, инок недостойный, снимаю твои клятвы на себя. Нет на тебе их. Иди княжить и восстанови спокойствие на Руси.

Громадная толпа народа слушала отважного инок. Быст-

ро разнеслась повсюду весть, что свободен великий князь от клятв, и повалил на его защиту народ русский. Шемяка был низвергнут, и снова вступил на великокняжеский стол московский великий князь Василий Васильевич, которого народ прозвал Темным.

КНЯЖЬЯ МИЛОСТЬ

Со смертью в 1453 году Дмитрия Шемяки отошла в прошлое эпоха постоянных раздоров между князьями в Московском государстве. В 1454 году войска великого князя взяли Можайск, присоединив к Москве удельное Можайское княжество. Бывший враг Василия Темного Иван Можайский бежал в Литву. Там же нашел прибежище и сын Шемяки Иван.

Великий князь московский Василий Васильевич, по прозвищу Темный, хотя и считался старшим между всеми другими удельными князьями, но не был самодержавным государем. Все удельные князья считали себя во всем равными великому князю.

В то время главным, стольным градом всей Руси была Москва. Но и Москва не красовалась еще своими богатыми теремами, хоромами и церквами. Столица Русской земли более походила на обширное, многолюдное село, защищенное от вражеских набегов высокими каменными стенами. Далее, за Москвою, по берегам Москвы-реки и Яузы, росли дремучие леса и лежали топкие болота. В те старинные, давно минувшие времена, все срединные и восточные области Русской земли были суровым и малонаселенным краем...

Тихо и безлюдно было на улицах Москвы 31 августа, в ка-

нун Нового года². Все, и стар, и млад, готовились встретить великий праздник – Новолетие. В древние времена в Москве встречали Новый год с особым торжеством, общенародной молитвой.

Ждут москвичи не дождутся: скоро ли грянет вестовая пушка и раздастся в церквах радостный, громкий благовест к заутрени?

Настала полночь, грянул со стен Кремля призывный выстрел, загудели колокола московских храмов, и разом оживились и наполнились народом московские улицы. Толпы горожан в праздничных нарядах заспешили в Кремль, в Успенский собор, чтобы встретить Новый год вместе с любимым великим князем. Пробирался туда и хилый старик со своим малым внуком, и знатный боярин в шапке, опушенной дорогим сободем, и ратник с топором за поясом. Богомольцы, которые не поместились в храме, толпились на широкой площади перед Успенским собором, близ княжеского терема.

² В те времена Новый год праздновался не 1 января, а 1 сентября.

Кремлевская площадь

Взошло солнце и осветило золотые кресты и главы церквей и соборов московских...

Многолюдная толпа, на площади перед княжеским теремом, завидя крестный ход от церковных врат Успенского собора, заколыхалась, осеняя себя крестным знамением. За митрополитом вслед вышел из храма и сам великий князь-слепец Василий Васильевич Темный со своим молодым статным сыном Иваном. Крестный ход остановился на площади, у аналоя с иконою святого Симеона Столпника³

³ 1 сентября празднуется память святого Симеона Столпника; оттого-то и Новый год назывался иногда в старину «Семен-день».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.